

КАКИМ БЫТЬ ПОЛИТОЛОГУ? СУЩЕСТВУЮЩИЕ ТРЕНДЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Г. Ю. Никипорец-Такигава

Российский государственный социальный университет,
Россия, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, строение 3
Кембриджский университет, University of Cambridge,
UK, CB3 9DA, Cambridge, Sidgwick Avenue

Цель статьи не только исследовательская, но и прагматическая. Сегодня, когда начинается переход на новые образовательные стандарты по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Политические науки и регионоведение», важно пригласить к диалогу профессионалов, много лет занимающихся преподаванием этих специальностей в России, и предложить им оценить современный и попробовать спрогнозировать будущий этапы институализации политологии в российской высшей школе. Чтобы выяснить интернациональное и национально-специфическое, в статье используется метод сравнительного анализа двенадцати российских и двенадцати западных университетов, учебных планов ведущих западных и российских вузов, в которых преподается политология, а также методы синтеза и аналогии, при помощи которых намечаются компоненты образовательной модели, в большей степени соответствующие современным требованиям, предъявляемым к профессиональным политологам. Автор приходит к выводу, что политология в российском контексте высшей школы неоправданно позиционируется среди дисциплин гуманитарного цикла; это привлекает в специальности абитуриентов, не желающих изучать количественные методы и получать широкий спектр общественно-научных знаний. Отечественные программы по данной группе специальностей также лишены многочисленных компонентов, которые могли бы увеличить шансы выпускников политологических специальностей на рынке труда. Наконец, в учебные планы необходимо включать дисциплины, способные сформировать компетенции, соответствующие целому спектру новых требований, предъявляемых информационным обществом к уровню и содержанию компетенций современного политолога, в числе которых «большие данные» (Big Data), глубокое понимание взаимосвязей Интернета с политической и другими социальными сферами.

Ключевые слова: политические науки, высшее образование, *большие данные*, *Big Data*, информационное общество.

Ранее мы неоднократно высказывались по поводу проблем реформирования политологического образования (Никипорец-Такигава, 2016b; Никипорец-Такигава, Отюцкий, 2017). Ныне этот вопрос приобрел особую остроту в связи с переходом на новые образовательные стандарты. Предлагаемая статья содержит не столько рекомендации, сколько размышления по поводу возможных перспектив преподавания политологии в отечественных университетах.

Что преподавать будущему политологу? Как преподавать? Эти вопросы перешли в плоскость практической реализации на каждой кафедре, выпускающей политологов, в российских университетах.

Как адекватно ответить на такие вопросы? С одной стороны, надо ясно оценивать вызовы современной цивилизации, на которые должен отвечать политолог-профессионал, с другой — нельзя отказываться от наработанного опыта преподавания политологии как в российских университетах, так и на Западе, от выявления и анализа специфики собственного опыта и обогащения его опытом внешним. Без учета этих аспектов невозможно осмыслить современный и прогнозировать будущий этап институализации политологии в российской высшей школе.

Для выявления интернациональных и национально специфических аспектов институализации политологического образования мы сравниваем опыт двенадцати российских и двенадцати западных университетов. Ориентирами для выбора вузов стали два рейтинга: QS и шанхайский. В экспертном сообществе они признаются наиболее точными с методологической точки зрения. Использовано и собственное экспертное мнение автора статьи о вузах тех стран, в которых она работала и работает¹.

Рейтинг QS (QS world universities rankings by subject 2015 politics and international studies²) и шанхайский рейтинг (Academic Ranking of World Universities 2015³) за 2015 г. выглядят так (первая двадцатка для *Social Sciences*):

1. Harvard / Harvard
2. Princeton / Chicago
3. University of Oxford / Massachusetts Institute of Technology (MIT)
4. LSE (London School of Economics and Political Science) / Columbia University
5. Sciences Po Paris / Berkeley
6. University of Cambridge / Stanford
7. The Australian National University / Princeton
8. Stanford / New York University
9. Yale University / Pennsylvania
10. Columbia University / Yale University
11. Johns Hopkins / University of Michigan-Ann Arbor

¹ Автор имеет 14-летний опыт работы в ведущих токийских вузах, 10-летний опыт работы в ведущих британских вузах, опыт сотрудничества и работы с Высшей школой экономики (Москва), с 2015 г. работает в Российском государственном социальном университете (РГСУ). В выборку намеренно добавлены три японских вуза, которые известны нам по личному преподавательскому опыту столь же хорошо, как и британские университеты, но структурно близки к американским университетам. Это позволит дать экспертные заключения относительно американского опыта институализации политических наук в высшей школе.

² QS Top Universities. QS World University Rankings by Subject 2015 — Politics & International Studies. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2015/politics> (дата обращения: 05.04.2018).

³ Academic Ranking of World Universities 2015. URL: <http://www.shanghairanking.com/ARWU2015.html> (дата обращения: 05.04.2019).

12. Georgetown / LSE (London School of Economics and Political Science)
13. Berkeley / University of Oxford
14. National University of Singapore / Northwestern University
15. New York University / University of Minnesota
16. Cornell University / University of California
17. University of Chicago / Duke University
18. The University of Tokyo / University of Cambridge
19. Freie University of Berlin / Carnegie Mellon University
20. Massachusetts Institute of Technology (MIT) / University of Texas at Austin

Из числа российских вузов в рейтинг QS для политологии и международных отношений в 2015 г. входили только МГУ (101–150), а для социологии — Высшая школа экономики (151–200). В 2017 г. первым вузом в России, Центральной и Восточной Европе, Центральной Азии и странах БРИКС, получившим пять звезд в международном рейтинге QS Stars, стал МГИМО. Всего 62 вуза в мире имеют пять звезд QS Stars, среди них Гарвард, Оксфорд, Йель, Принстон и Стэнфорд, Университет Пенсильвании и Корнельский университет, входящие в мировые топ-5, топ-10 и топ-20 международного рейтинга QS (МГИМО..., 2017; Воскресенский, 2014). В шанхайский рейтинг в 2015 г. вошли только МГУ (86) и СПбГУ (301–400)⁴.

В 2018 г. в первой двадцатке рейтинга QS остались практически те же вузы, лишь некоторые из них поменялись местами, поэтому общая выборка (Никипорец-Такигава, 2016b) сохраняет актуальность:

1. Harvard
2. Stanford University
3. University of Cambridge
4. Massachusetts Institute of Technology (MIT)
5. University of California, Berkeley
6. Princeton University
7. University of Oxford
8. Columbia University
9. California Institute of Technology
10. University of Chicago
11. University of California, Los Angeles
12. Cornell University
13. Yale University
14. University of Washington
15. University of California, San Diego
16. University of Pennsylvania
17. University College London

⁴ Top Universities. QS World University Rankings by Subject 2018 — Politics & International Studies
URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2018/politics>
(дата обращения: 05.04.2018).

18. Johns Hopkins University
19. Swiss Federal Institute of Technology Zurich
20. Washington University in St. Louis

При составлении выборки двенадцати российских вузов использовались результаты отечественного рейтинга вузов⁵, справочные источники, а также саморепрезентации вузов⁶. Учитывался и такой субъективный аспект, как экспертное мнение ряда представителей отечественного политологического сообщества, которые имеют практическую возможность сравнения организации политологического образования в ведущих вузах страны. На этой основе (с учетом вполне естественной погрешности) составлен приблизительный список главных политологических вузов России. В выборку также добавлены вузы, не входящие в первую десятку ни в одной из двух подгрупп. Выявлено, каким образом в этих вузах политология закрепляется в качестве академической дисциплины (Никипорец-Такигава, 2016b).

Наглядно проявились следующие тенденции в изучаемой области.

Первая тенденция — большая вариативность российских университетов в процессе встраивания политологии в линейку преподаваемых дисциплин. Западные университеты, как правило, верны традиции определять место политологии в системе преимущественно общественных наук, тесно сближая ее с социологией и правом, в то время как российские вузы чаще всего встраивают политологию в гуманитарный блок. Выборка наглядно демонстрирует, что в западном академическом контексте только дважды реализовано институционное объединение политологии с гуманитарными предметами. В одном случае (токийский Университет Васэда) это обусловлено необходимостью «пристроить» малопопулярные специальности (языковые) к более популярному факультету (юридическому и политологическому). Второй случай (британский Университет Восточной Англии) связан со стремлением завлечь абитуриента в очень сред-

⁵ Так, на сайте «Учеба.ру» для абитуриента выстраивается следующая цепочка ведущих вузов, имеющих профиль «политология»: 1) Одинцовский филиал МГИМО(У); 2) НИУ ВШЭ; 3) РАНХиГС; 4) РУДН; 5) РЭУ им. Г.В. Плеханова. Правда, в качестве критерия ранжирования взят проходной балл (Специальность «Политология». URL: <https://www.ucheba.ru/for-abiturients/speciality/36> (дата обращения: 12.11.2018)).

⁶ См., напр., саморепрезентацию на официальном сайте МГИМО в 2013 г. (более поздних презентаций на этом сайте не обнаружено): «В соответствии с полученными данными очевидно, что в стране сформировалась “большая четверка” ведущих политологических факультетов: факультеты политологии МГИМО, МГУ, СПбГУ и факультет прикладной политологии НИУ ВШЭ. Данные факультеты традиционно конкурируют за самых сильных абитуриентов. В то же время усиливается конкуренция и со стороны других вузов. Среди московских университетов кроме “большой четверки” самые сильные показатели баллов ЕГЭ у первокурсников-политологов в Финансовом университете, РУДН, РГГУ и РЭУ. Сильными конкурентами становятся филиалы РАНХиГС, особенно ярко среди которых выглядит факультет сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления в Санкт-Петербурге. Среди региональных вузов наиболее стабильные показатели у Казанского и Томского университетов» (Рейтинг факультетов политологии по качеству приема студентов 11.09.2013. URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/241383> (дата обращения: 12.11.2018)).

ний британский вуз с помощью экстравагантной возможности получить сразу несколько специальностей противоположной направленности (то, что в итоге абитуриент в этом вузе не получит ни одной подлинной специальности, его не смущает).

Представление политологии как дисциплины гуманитарной — это фактически устоявшийся российский тренд, закрепляемый в популярных у абитуриентов справочных материалах. Так, сайт «Учеба.ру» разъясняет: «Среди профессиональных дисциплин будущие бакалавры изучают политическую теорию, политическую историю России и зарубежных стран, историю политических учений, современную российскую политику, мировую политику и международные отношения, политическую психологию и др. Будущий политик должен быть хорошим оратором. Поэтому в обязательном порядке изучается риторика. Многие вузы проводят тренинги по развитию коммуникационных навыков. Практику студенты проходят в штабах политических партий и в государственных организациях»⁷.

Такая установка ориентирует абитуриента на преимущественно гуманитарный характер специальности. К тем же выводам приводит наш опыт работы с российскими студентами политологических специальностей в НИУ ВШЭ и в РГСУ. Большинство студентов, изучающих политологию в этих вузах, в первую очередь подчеркивают свои гуманитарные интересы и понимание гуманитарной составляющей политологической специальности как одного из решающих факторов ее выбора.

Однако в Кембриджском университете, где также работает автор статьи, политология закреплена на негуманитарном факультете и преподается таким образом, чтобы сделать из студентов не только политологов, но и специалистов более широкого профиля. На первом курсе политологов учат всем методам, используемым в общественных науках.

Программа трех курсов включает в себя следующие дисциплины:

- первый курс:
 - политика;
 - международные отношения;
 - две дисциплины на выбор: социология, социальная антропология, физическая (или биологическая) антропология, археология, социальная психология, культура Месопотамии и Египта, аккадийский, египетский языки;
- второй курс:
 - история политических учений (либо от Древней Греции до XVII в., либо XVIII–XIX вв.);
 - международная организация;
 - сравнительная политика (включая модули по политике США, Африки, Средней Азии, Китая, Западной и Восточной Европы);

⁷ Специальность «Политология». URL: <http://www.uceba.ru/for-abiturients/speciality/36> (дата обращения: 12.11.2018).

- эссе (приблизительный аналог российской курсовой работы) по политике и международным отношениям или по другой дисциплине;
- третий курс:
 - диссертация (приблизительный аналог российской дипломной работы) на любую тему (студенты, выбирающие написание дипломной работы, выбирают три других дисциплины; в остальных случаях студенты выбирают четыре дисциплины);
 - политика и международные отношения;
 - две или три дисциплины на выбор: политические учения, политика региона мира, политика международной экономики, политика безопасности и международного развития и др.; студенты могут также выбрать дисциплины других специальностей.

Кроме того, в западной практике образования сугубо гуманитарные дисциплины на втором или даже первом уровне подготовки свободно комбинируются с общественно-научными или даже естественно-научными. Понятно, что знание языка или языков — это даже не бонус в глазах работодателя. Поэтому только в немногих университетах остаются чисто языковые факультеты, где готовят переводчиков и преподавателей языка и литературы⁸. Большинство западных университетов предлагают «комбинированные специальности», дополняют языковые специальности «бизнесом», «правом», «экономикой», «международными отношениями» и прочими общественно-научными дисциплинами.

Кембриджские студенты, поступающие на общественно-научные специальности, на первых двух курсах должны изучать некоторые из них вместе (например, политологию и международные отношения вместе с двумя дисциплинами по выбору: социологией, антропологией, археологией, психологией и т. д.) и только на третьем курсе выбирать специализацию. Так, бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон изучал в Оксфорде экономику вместе с историей и философией, а лидер либеральных демократов Ник Клегг учил в Кембридже социальную антропологию вместе с археологией. Для поступления в университет на общественно-научные специальности требуется основательная математическая подготовка. При поступлении на политологию и другие политические науки (*Political Science*) надо показывать результат по высшей математике, т. е. не по математике уровня средней школы, а по математике, которую учат для поступления в университет на основе программ, аналогичных университетским начальным курсам. При поступлении в университет на любую специальность учитывается балл по математике и родному языку, полученный в средней школе, вне зависимости от выбора специальности, и чем лучше университет, тем выше проходной балл. С тройкой по математике и по родному

⁸ Исключением, например, является Оксбридж, так как дипломы этих двух университетов имеют большую ценность сами по себе почти вне зависимости от специальности, по которой они получены. Но и эта ситуация меняется и зависит от сужающегося для британцев рынка европейского труда.

языку можно поступать только в очень посредственные университеты, диплом которых не конвертируется в рабочее место на рынке труда.

Таким образом, политология тесно переплетена с другими общественными дисциплинами (*Social Sciences*), находясь в равноправных и взаимодополняющих отношениях с ними. Такая практика наиболее распространена в западных университетах, исключений из нее весьма мало. В итоге западный политолог усваивает значительное количество компетенций, благодаря которым он оказывается потенциально пригодным к трудоустройству в самых разных сферах социальной деятельности.

Сравнивая западный и российский опыт институализации политологии в высшей школе, можно прийти к выводу, что российские вузы не до конца используют междисциплинарный потенциал политологии, сужая тем самым спектр ее прагматического применения. В результате и абитуриенты, и студенты остаются в неведении относительно того, что на современном рынке интеллектуального труда политолог котируется именно в качестве практически универсального специалиста.

Ориентируя абитуриента и студента как на гуманитарный, так и на общественно-научный характер приобретаемой политологической специальности, можно существенно повысить ее привлекательность, дать выпускнику большую уверенность в перспективах трудоустройства.

Вторая тенденция, показывающая отличие западных подходов к преподаванию политологии от отечественных, заключается в том, что содержание западных образовательных программ по специальности «Политология» более насыщено модулями, связанными с новыми технологиями, «большими данными» (Big Data), количественными методами и другим точным инструментарием политологических исследований. Как обстоит дело в этой области в российских вузах? Наглядную картину можно получить из выборки, представленной в табл. 1.

В таблицу включены шесть университетов: два классических университета двух российских столиц (МГУ и СПбГУ), четыре национальных университета (столичный НИУ ВШЭ и три периферийных). Для репрезентативности из периферийных вузов выбраны национальные университеты разных географических регионов. Для трех вузов проанализированы учебные планы и программы, доступные на сайте вуза стороннему исследователю, для МГУ, СПбГУ и НИУ ВШЭ использованы справочные материалы по специальности «Политология», также доступные внешнему пользователю. Дисциплины не разделены на обязательные и по выбору, поскольку целью было выявление общих возможностей вуза по их преподаванию. Анализ не претендует на точность, но позволяет обозначить сформировавшиеся тенденции.

Бросается в глаза явно неравномерное отношение российских вузов к проблемам методологической подготовленности политологов в сфере использования количественных, математических, статистических методов и информационных технологий, использования Big Data: от целого пакета соответствующих учебных дисциплин в НИУ ВШЭ и Пермском НИУ до практически полного отсутствия таковых в Южном федеральном университете. Вызывает вопросы

Таблица 1. Математические, статистические и информационные дисциплины в российских вузах (составлено автором)

Вуз	Дисциплины
МГУ, факультет политологии	Интернет как пространство политической коммуникации
СПбГУ, факультет политологии	Математические методы анализа и моделирования политических процессов Программное обеспечение эмпирических политических исследований Прикладные методики в области политического анализа
НИУ ВШЭ (Москва), департамент политической науки	Логика Математика и статистика Математические модели политэкономики Принципы математического доказательства Теория вероятностей и математическая статистика Теория игр Многомерный статистический анализ в политологии Вероятностно-статистические модели Количественные методы и модели оценки эффективности государства Анализ данных в Python Анализ категориальных данных в статистических пакетах Основы программирования в Python
Национальный исследовательский Томский государственный университет, факультет философии	Прикладной системный и анализ Компьютерное обеспечение политологических исследований (SPSS)
Пермский государственный национальный исследовательский университет, историко-политологический факультет	Логика / математическая логика Информатика Концепции современного естествознания Методология и методика социологического исследования Информационные технологии в гуманитарных исследованиях Математические методы в историко-политологических исследованиях
Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук (Ростов-на-Дону)	Не выявлено

и то, что логика — дисциплина, организующая теоретическое мышление, в том числе мышление, направленное на современные политологические методы, — преподается лишь в двух вузах из шести.

Тревожна ситуация с формированием естественно-научной составляющей политологического мировоззрения. В известной мере она формируется при

изучении дисциплин, представленных в табл. 1. Однако дисциплина, которая в течение последней четверти века успешно служила цели формирования естественно-научного мировоззрения российских студентов, в том числе политологов — «Концепции современного естествознания» — практически изгнана из российских вузов и преподается лишь в одном университете представленной выборки — Пермском НИУ. При таком отношении к формированию научного мировоззрения студенты могут за чистую монету принять утверждение одного из современных учебников, согласно которому религиозную концепцию креационизма и научную концепцию эволюционизма, принципиально поразному объясняющие процесс появления человека, целесообразно излагать «как равнозначные научные теории до тех пор, пока не будет достигнут консенсус среди большинства ученых разных мировоззрений» (Лукьянова, Овчаренко, 2014, с. 38).

Интернет как специальный объект политологических исследований в качестве академической учебной дисциплины изучается лишь в МГУ.

Что касается собственно политологических дисциплин, то при сравнении учебных планов мы исключили из выборки одинаковые (например, «Политический менеджмент» или «История политических учений») или сходные (например, не различались политическая конфликтология и дисциплина «Модели и технологии разрешения конфликтов», дисциплины «Политические отношения и политический процесс в современной России» и «Современная политика России»), преподаваемые во всех вузах. В табл. 2 представлены лишь такие дисциплины, которые характерны для названных в первой колонке вузов. Именно региональные университеты (Пермский, Томский, Ростовский-на-Дону) отличаются особым разнообразием набора политологических дисциплин.

Третья тенденция пока не реализуется в российских вузах, за исключением МГУ, где в качестве специальной учебной дисциплины изучается Интернет «как пространство политической коммуникации» (табл. 2). Речь идет о необходимости адекватного ответа на вызовы информационного общества, которые должны быть научно осмыслены, в том числе с целью преобразования образовательных стратегий подготовки профессионального политолога.

Е. С. Зиновьева и А. В. Крутских, авторы главы в новой монографии о современной политической науке, прямо характеризуют «информационное общество как методологию анализа политических процессов» (Современная..., 2019, с. 747). Понятно, что такая методология должна изучаться будущими политологами специально как академическая учебная дисциплина. Следует согласиться с этими авторами в том, что ключевым достижением информационного подхода к изучению политики стало «исследование роли информационных технологий в политическом процессе, как на внутригосударственном, так и на международном уровне, выявление новых тенденций, характерных для сферы политического, проявившихся в условиях информационной революции» (Современная..., 2019, с. 755).

Информационное общество — это общество с возрастающими возможностями для прямого политического и гражданского участия, поскольку «путь от рядового гражданина до политического лидера значительно упрощен и со-

Таблица 2. Политологические дисциплины в российских вузах

Вуз	Дисциплины
МГУ, факультет политологии	• Политическая реклама • Массовая коммуникация как инструмент формирования общественного мнения • Манипулятивные технологии в политике • Информационно-психологические войны в современной политике • Современная пресс-служба • Организация информационной кампании • Интернет как пространство политической коммуникации
СПбГУ, факультет политологии	• Теория и история политических институтов • Теория общественного выбора • История государственных учреждений и государственной службы в России • Мировой политический процесс (XVII–XX вв.) • Экологическая политика государства • Сетевой подход в политике и государственном управлении • Гендерная политика • Политические системы стран Европы и США: сравнительный анализ • Политические системы стран Латинской Америки • Протестное политическое поведение в современном мире • Административные системы развитых стран. Связи с правительством
НИУ ВШЭ (Москва), департамент политической науки	• Экономическая политика современных государств • Политическая коммуникативистика • Основы антикоррупционной политики • Категории политической науки • Политическая история России и зарубежных стран • Технологии символической политики • Электоральный анализ • Современные концепции политического • World Politics and International Relations
Национальный исследовательский Томский государственный университет, факультет философии	• Социальная история зарубежных стран • Религиоведение • Наука и политика • Политическая история • Политическая история зарубежных стран • Политическая история стран СНГ • Этнополитология • Введение в политическую философию • Политическая имиджелогия • Политическая коммуникация • Политическое образование • Проблемы российского парламентаризма • Методика преподавания обществознания • Теория элит и бюрократии • Политическая мифология • Теория политической культуры • Политические режимы

Вуз	Дисциплины
Пермский государственный национальный исследовательский университет, историко-политологический факультет	• Политика в современном мире • Политические процессы и институты в странах Латинской Америки • Межгосударственные отношения стран постсоветского пространства • Политические системы стран Балтии • Политическое источниковедение • История мировых цивилизаций • Политика и управление в ЕС • Политические процессы на постсоветском пространстве • Гражданский контроль и экспертиза в современном политико-управленческом процессе • Теория и практика национализма в контексте политической информации
Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук (Ростов-на-Дону)	• GR-менеджмент и политический лоббизм • Политическая история России и зарубежных стран • Политические идеологии • Политическая психология • Этнополитология • Политическая коммуникативистика • Политическая организация индустриального и постиндустриального общества • Избирательная система России • Политический PR • Система государственного управления в России • Власть и государство • Политическая риторика • Ресурсы политической власти • Политические риски иностранного инвестирования в России • История молодежной политики за рубежом • Нации и национализм в Европе • Новый институционализм в социальных науках • История мировых религий • Гражданское общество в России • Национальная экономика и экономическая практика • Речевое воздействие и речевая манипуляция • Парламентаризм в России: законотворчество, парламентский контроль, статус депутата • Политическая семиотика

кращен» (Никипорец-Такигава, 2016а, с. 50). С одной стороны, это позитивная характеристика информационного общества, поскольку протестные и общественные движения ныне «неразделимо связаны с появлением независимых систем общения, основанных на Интернете и беспроводной коммуникации» (Castells, 2012), а социальные сети способствуют превращению обычного гражданина в гражданина активного (Gerbaudo, 2017; Nikiporets-Takigawa, 2014;

Нариньяни, 2005; и др.). С другой стороны, Интернет широко задействован для государственного «контроля и наблюдения» за умонастроениями граждан по всему миру (см. подробнее ретроспективный обзор для разных стран: Nikiporets-Takigawa, 2013; Нариньяни, 2005; Никипорец-Такигава, 2017). И здесь социальные сети имеют более значительный потенциал по сравнению со СМИ, выступая как невидимый метод контроля и наблюдения. В частности, WikiLeaks в очередной порции разоблачений показал, каким образом ЦРУ шпионит за гражданами с помощью smart-телевизоров. Используется сниффер — прибор для анализа передающейся информации, направляющий информацию в недра Интернета. WikiLeaks выяснил, что количество этой информации весьма велико (Смирнов, 2017).

Наконец, рост интернет-покрытия многих стран мира обусловил самый опасный из глобальных вызовов информационной цивилизации — кибертерроризм, киберджихад, киберпреступность во всех ее видах, включая кибербуллинг (кибертравлю, интернет-буллинг)⁹, а также преступления против несовершеннолетних: сексуализацию детей через сети¹⁰ или призывы совершить самоубийство через игру «Синий кит»¹¹, хакерство¹² и др.

Практически каждый террористический акт, каждое протестное выступление приводят к призывам ограничить возможности бесконтрольной циркуляции контента в Интернете. Так, в 2011 г. во время погромов в Великобритании, а также массовых российских антиправительственных протестов премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и тогдашний президент Российской Федерации Д. А. Медведев предлагали практически одинаковую меру: отключить Интернет, чтобы предотвратить мобилизацию для осуществления погромов, протестов и уличных беспорядков¹³.

В России пошли дальше: в 2016 г. был принят так называемый пакет Яровой (вступил в силу в середине 2018 г.). Одновременно с этим на государственном уровне осуществлен ряд мер по контролю за интернет-контентом и манипулированием общественным мнением посредством социальных сетей. В ситуации, когда любые российские меры по ограничению личных свобод в Интернете встречают жесткую критику со стороны западной элиты, у себя дома эта элита

⁹ См., напр.: Моника Левински может стать «секретным оружием» Трампа в борьбе против Клинтон. URL: http://www.newsru.co.il/world/01may2016/lewinisky_109.html (дата обращения: 12.11.2018).

¹⁰ First she became a 13-year-old internet meme. Now, Nancy Jo Sales 23 treats her like a porn star March 2017 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/23/sexualization-13-year-old-internet-meme-cash-me-ousside> (дата обращения: 12.11.2018).

¹¹ Игра, которая посредством социальных сетей вовлекает подростков в выполнение приказов, конечным из которых является совершение самоубийства. Появилась в России в 2015 г., пик активности пришелся на февраль 2017 г., когда около 800 подростков оказались ее жертвами.

¹² По данным Cisco, хакеров «насчитывается пять миллиардов, и еще один на подходе в ближайшем будущем» (The Internet of stings. 08.11.2016. URL: <http://www.economist.com/news/science-and-technology/21708220-electronic-tsunami-crashes-down-solitary-journalist-internet> (дата обращения: 12.11.2018)).

¹³ Twitter and the riots: how the news spread. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2011/dec/07/twitter-riots-how-news-spread> (дата обращения: 12.11.2018).

в случае необходимости или опасности призывает к тому же самому. Наглядный пример — реакция британских властей на террористический акт в Лондоне в марте 2017 г. (подробнее см.: Никипорец-Такигава, 2016а), когда политические элиты потребовали, чтобы провайдеры выдали частную переписку в WhatsApp соответствующим ведомствам. Такое отсутствие стратегии в отношении к Интернету на государственном уровне и резкие перемены политических решений относительно его бесконтрольности в известной мере обусловлены тем, что взаимовлияние Интернета и политики в первой четверти XXI в. исследовано политологами совершенно недостаточно. Найл Фергюсон скептически замечает по поводу имеющихся результатов таких исследований: «Представление о том, что приобщение человечества к Интернету приведет к появлению утопического мира пользователей сети, *равных* в киберпространстве, было такой же несбыточной фантазией, как и мечта Лютера о “священстве всех верующих”» (Фергюсон, 2018, с. 49).

Приведенные факты наглядно показывают, что информационная эра нуждается в специалистах, владеющих целым спектром профессиональных навыков и обладающих более широким профессиональным и личным кругозором. «Для того чтобы адекватно реагировать на нечеловечески огромный прирост информации, эффективно ее использовать, отвечать задачам постиндустриального развития, человек должен обрести качественно новые способности, радикально преобразовать сущность, образ, телесность и наличный способ взаимодействия с окружающим мультиверсумом» (Шичанина, 2010, с. 123–124).

Те изменения, которые происходят в информационных и коммуникационных механизмах, существенным образом изменяют как социальный мир, так и мир отдельного человека, а информационная цивилизация требует от современного политолога обстоятельного научного анализа как самого нового типа общества и нового типа человека, так и тех научных концепций, в рамках которых осмысливаются и такое общество, и такой человек (Тарасенко, 2000).

Необходимость в новом типе человека обусловлена глубинными вызовами информационной цивилизации — высокотехнологичной и прогрессивной, требующей развитого информационного сознания, ясных и четких представлений об угрозах, рисках, вызовах и преимуществах информатизации, для того чтобы уметь быстро и адекватно на них реагировать.

Политологические образовательные программы и стратегии в связи с этим требуют существенной ревизии. Именно поэтому в западных университетах открылся, а в российских университетах формируется и открывается целый спектр внутродисциплинарных и междисциплинарных направлений, которые специально анализируют роль информационного фактора в развитии современного человека и общества. В их числе — информационная антропология, содержание которой определяется прежде всего содержанием ключевых терминов, определивших ее название: антропология как учение о человеке и информация как ключевая категория для исследования информационных процессов (Отюцкий, 2014).

В постиндустриальном обществе важнейшим производственным ресурсом, товаром и услугой выступают квалификация людей, их креативность, профес-

сиональные навыки и умения. Основное значение имеют уже не мускульная сила, энергия, а информация и знание. Принцип меритократии, базирующийся на знаниях, связанных с новыми информационными и коммуникационными технологиями, стал отличительной чертой именно информационного общества, где образование, квалификация, информированность — наиважнейшие ресурсы развития.

Квалифицированная работа с данными Интернета — часть профессии политолога. Крупнейшие университеты взялись за программы обучения студентов разных специальностей специфике работы с большими данными. НИУ «Высшая школа экономики» поставил перед собой амбициозную задачу массового обучения анализу данных с 2017 г.¹⁴

В Кембриджском и в Оксфордском университетах в 2012 г. появились программы, предлагающие студентам и профессорско-преподавательскому составу обучение азам программирования, обработки данных, использованию больших данных для научных и методических целей. В рамках курса по анализу и прогнозированию политических и социальных процессов посредством Big Data студенты могут: изучать возможности и ограничения Big Data; понимать, какие типы задач решаются при помощи Big Data; учиться формировать технические задания для Big Data на основе реальных проектов; знать принципы формирования команды для Big Data (численный состав, компетенции исполнителей); изучать типы визуализации результатов Big Data и виды аналитических отчетов; а также получать навыки по организации профилактики политических конфликтов на основе Big Data и при помощи коммуникации в социальных сетях. На выходе получаются специалисты, готовые к решению самого широкого спектра задач мониторинга, анализа и прогноза социальных и политических процессов.

Организация обучения использованию Big Data в политологических исследованиях детерминируется не только самой этой технологией, но и рядом «околотехнологических» процессов. Будущий политолог должен ясно понимать, что, начиная работу с Big Data, Data Mining и сбором данных, необходимо ответить на принципиальные вопросы применительно к конкретному предмету исследования:

- где искать (на каких платформах мобильного Интернета, только ли в «Твиттере», «ВКонтакте», «Телеграме», «Фейсбуке» и т.д., в их сочетаниях или же вообще везде, где есть открытая информация);
- что искать (записи и комментарии или только комментарии);
- когда искать;
- чем искать;
- как отсеять лишние данные;
- как визуализировать результаты.

¹⁴ См., напр., описание программы «Введение в анализ данных» Высшей школы экономики: Майнор «Интеллектуальный анализ данных». URL: https://electives.hse.ru/2016/minor_intel/analysis2016 (дата обращения: 20.11.2018).

Три первых вопроса — «где?», «что?», «когда?» — самые сложные, принципиально влияющие на методологию поиска; и если первые два можно решить заранее, то вопрос «когда?» требует постоянного ежедневного мониторинга политической повестки.

Все остальные вопросы имеют технический характер. Так, «машиной», которая поможет ответить на вопрос «чем искать?», может быть всего лишь персональный компьютер, желательно мощный, а также программист, который настроит парсинг (автоматический синтаксический анализ) и будет постоянно перестраивать его под нужды исследователя.

Приступая к исследованию, политолог должен понимать, что это нелюбимая тема для любого заказчика, который обычно хочет дешево (желательно вообще бесплатно), но все сразу. В этом смысле заказчика ждет разочарование — для Big Data нужна система, разработанная IT-специалистами, которые постоянно усложняют и настраивают эту систему под исследовательские нужды, т.е. кастомизируют ее в тесном взаимодействии с исследователями-аналитиками. Поэтому экономия на программном обеспечении политологического проекта, который основан на Big Data, невозможна.

Ответ на вопрос «как отсеять лишнее?» зависит от стоимости сервера, где хранятся данные. Если не очень дорого, то можно ничего не выбрасывать, а брать все, что открыто.

Наконец, все, что касается визуализации, зависит от заказчика, от того, насколько он ориентируется в том, что заказал. Если мало, то тогда надо выдавать результаты в как можно более красочной, простой и понятной форме; а если заказчик все-таки понимает, что такое Big Data и для чего они ему нужны, то тогда можно серьезно сотрудничать и не задумываться о красоте и внятности картинок.

Существенную роль в рассмотренном процессе играют проблемы, на первый взгляд непосредственно не связанные с исследовательским процессом, но существенно влияющие на его результат. Поэтому подготовка политолога к аналитической работе с политической информацией должна включать формирование его умений по работе с заказчиками, знания психологии служебного общения и т.д., что требует включения соответствующих специальных дисциплин в учебные планы подготовки политологов.

Мы охарактеризовали Big Data как методологию политологических исследований, которыми должен овладеть политолог. Однако в учебном процессе большие данные должны быть представлены и как объект политологического изучения. Все больше исследователей анализируют их именно в политологическом аспекте. Так, Ч. Фриман считает, что эта технология, как и иные новые технологии, может превратиться в орудие уничтожения: «Анализ “больших данных” позволяет теперь идентифицировать человека или группу, которые могут быть уничтожены с помощью дрона» (Фриман, 2018, с. 9). Он же указывает, что «“большие данные” — отличный способ выявить потенциальных шпионов» (Фриман, 2018, с. 15). А. М. Слотер, напротив, указывает на вклад Big Data в формирование системы благ и услуг: «Пользователи сегодня добровольно подписываются под отказом от своих прав на эти данные в обмен на чудесные

бесплатные товары и услуги, которые им предоставляют крупные технологические компании» (Слотер, 2018, с. 24). Отечественный исследователь Е. Кузнецов указывает на связь Big Data с искусственным интеллектом (AI) и подчеркивает роль этой связи в развитии современной науки: «В ближайшее десятилетие связка AI + Big Data начнет поверять “корреляциями гармонию” по всему спектру научных данных» (Кузнецов, 2018, с. 87). Таким образом, существует целый ряд подходов к пониманию политической роли Big Data в современном мире, и будущие политологи должны знать эти подходы.

Подведем итоги. Процесс перехода политологического образования на новые стандарты требует осмыслить будущий этап институализации политологии в российской высшей школе. Сравнительный анализ особенностей политологического образования в российских и западных университетах позволил выявить некоторые сформировавшиеся тренды. В частности, для российской политологии характерно стремление вписать ее в гуманитарный блок, для западных же университетов нехарактерно противопоставление гуманитарных и общественных наук.

Вызовы информационной цивилизации подталкивают к тому, чтобы перестроить структуру политологического образования для более глубокого овладения количественными методами исследования, изучения информационного общества, Интернета и политики, умения работать с Big Data.

Приглашаю квалифицированное экспертное сообщество к дальнейшему обсуждению.

Литература

Воскресенский А. Д. Политологическая школа МГИМО (У) // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 5 (38). С. 87–111.

Кузнецов Е. В мире ли застой? // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 80–88.

Лукьянова И. Е., Овчаренко В. А. Антропология: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2014. 240 с. МГИМО удостоен 5 звезд QS // МГИМО Университет. 17.11.2017. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/mgimo-udostoen-5-zvezd-qs/> (дата обращения: 08.12.2018).

Нариньяни А. С. eHOMO — два в одном (Homo sapiens в ближайшей перспективе) // Новое в искусственном интеллекте: методологические и теоретические вопросы. М.: ИИнтелЛЛ, 2005. С. 260–274.

Никипорец-Такигава Г. Ю. Европа перед вызовами информационной цивилизации // Европа перед вызовами начала XXI века / под общ. ред. М. Е. Родионовой. М.: КноРус, 2017. С. 77–84.

Никипорец Г. Ю. Какую политологию мы преподаем? К вопросу о трендах институализации политологии в высшей школе: российский и западный опыт // Политико-экономическое развитие в условиях информатизации общества: сб. науч. ст. М.: Институт деловой карьеры, 2016b. С. 91–96.

Никипорец-Такигава Г. Ю. О лидерстве в сетевых социальных движениях // PolitBook. 2016a. № 3. С. 50–65.

Никипорец-Такигава Г. Ю., Отоцкий Г. П. Вызовы информационного общества и ответы гуманитарного образования в XXI веке // Искусствоведение в контексте других наук в России и за рубежом: параллели и взаимодействия: сб. тр. междунар. науч. конф. / под общ. науч. ред. Г. Р. Консона. М.: Согласие, 2017. С. 103–113.

Отоцкий Г. П. Информационная антропология: варианты конституирования (размышления по поводу исследований К. К. Колина) // Достижения вузовской науки. 2014. № 13. С. 131–135.

Слотер А.-М. Большая стратегия для Цифрового века // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 19–38.

Современная политическая наука: методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2019. 776 с.

Смирнов Д. За тобой следит утюг? Это правда, а не глюк! // Комсомольская правда. 2017. 29 марта.

Тарасенко В. В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 111–120.

Фергюсон Н. Ложное пророчество о гиперсвязанном мире // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 19–38.

Фриман Ч. Технологии, государственное управление и неограниченная война // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. С. 8–18.

Шичанина Ю. В. Основные тенденции информационной антропологии // Спектр антропологических учений / отв. ред. П. С. Гуревич. М.: ИФРАН, 2010. Вып. 3. С. 114–130.

Castells M. Networks of outrage and hope: social movement in the internet age. Cambridge: Polity Press, 2012. 200 p.

Gerbaudo P. The Mask and the Flag Presentation. Populism, Citizenism and Global Protest. Hurst Publishers, 2017. 320 p.

Nikiporets-Takigawa G. Protests 2.0: Through networked consolidation to participation: why Russian Manezhka cannot become Ukrainian Maidan // Russian Journal of Communication. 2014. Vol. 6, no. 3. P. 246–259.

Nikiporets-Takigawa G. Tweeting the Russian protests // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2013. Vol. 9. P. 1–25.

Никипорец-Такигава Галина Юрьевна — канд. филол. наук, PhD; nikiporetsgiu@rgsu.net

Статья поступила в редакцию: 8 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: Никипорец-Такигава Г. Ю. Каким быть политологу? Существующие тренды и возможные перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 1. С. 17–35. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.102>

WHAT IS A POLITICAL SCIENTIST? EXISTING TRENDS AND POSSIBLE PERSPECTIVES

Galina Yu. Nikiporets-Takigawa

Russian State Social University,

4, building 3, Vilgelma Pika ul., Moscow, 129226, Russia; nikiporetsgiu@rgsu.net

University of Cambridge,

Sidgwick Avenue, Cambridge, CB3 9DA, UK; gn254@cam.ac.uk

The aim of this paper is not only ontological, but also purely pragmatic. While we are preparing for the transition to new educational standards for the group of specialties and areas of training named “Political Science and Regional Studies”, this paper is addressed at Russian professionals who have been teaching in this field for many years and invites them to evaluate the current stage and to predict the future of the institutionalization of Political science in Russian higher education. To identify the international and the nation-specific, the paper uses a comparative analysis of twelve Russian and twelve Western universities, the curricula of leading Western and Russian universities where Political science are taught, as well as employs synthesis methods and analogies, by means of which we propose the components of the educational model which are more consonant with modern requirements for professional political scientists. The conclusions made in this study relate primarily to the fact that the Political science in the Russian context of higher education is unjustifiably positioned among the disciplines of the humanities cycle, which attracts

applicants unwilling to study mathematics and sciences, or to receive a wide range of social science knowledge. Russian programmes are also devoid of numerous components that could make the graduates of Political science departments more attractive in the labour market. Finally, it is concluded that the curricula should include subjects that help to form competencies corresponding to a whole range of new requirements that the information society makes to the level and content of knowledge of a modern political scientist, including Big Data, a deep understanding of the interrelationship of the Internet and the political sphere, as well as other social spheres.

Keywords: political science, higher education, Big Data, information society.

References

- Castells M. Networks of outrage and hope: social movement in the internet age. Cambridge, Polity Press, 2012. 200 p.
- Fergiuson N. Lozhnoe prorochestvo o gipersviazannom mire [False prophecy about a hyper-connected world]. *Rossiiia v global'noi politike*, 2018, no. 1, pp. 19–38. (In Russian)
- Friman Ch. Tekhnologii, gosudarstvennoe upravlenie i neogranichennaia voina [Technologies, state management and unlimited war]. *Rossiiia v global'noi politike*, 2018, no. 1, pp. 8–18. (In Russian)
- Gerbaudo P. *The Mask and the Flag. Populism, Citizenism and Global Protest*. Hurst Publishers, 2017. 320 p.
- Kuznetsov E. V mire li zastoi? [Is there stagnation in the world?]. *Rossiiia v global'noi politike*, 2018, no. 1, pp. 80–88. (In Russian)
- Luk'ianova I. E., Ovcharenko V. A. *Antropologiya: uchebnoe posobie [Anthropology: study guide]*. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 240 p. (In Russian)
- MGIMO udostoen 5 zvezd QS [MGIMO Awarded 5 Stars QS]. *MGIMO University*. 17.11.2017. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/main/mgimo-udostoen-5-zvezd-qs> (accessed: 08.12.2018). (In Russian)
- Narin'iani A. S. eNOMO — dva v odnom (Homo sapiens v blizhaishei perspektive) [eHOMO — two in one (Nomo sapiens in the near future)]. *Novoe v iskusstvennom intellekte: metodologicheskie i teoreticheskie voprosy*. Moscow, IntelLL Publ., 2005, pp. 260–274. (In Russian)
- Nikiporets G. Iu. Kakuiu politologiiu my prepodaem? K voprosu o trendakh instutualizatsii politologii v vysshei shkole: rossiiskii i zapadnyi opyt [What kind of political science do we teach? On the issue of trends in the institutionalization of political science in higher education: the Russian and Western experience]. *Politiko-ekonomicheskoe razvitie v usloviakh informatizatsii obshchestva: sb. nauch. st.* Moscow, Institut delovoi kar'ery Publ., 2016b, pp. 91–96. (In Russian)
- Nikiporets-Takigava G. Iu. Evropa pered vyzovami informatsionnoi tsivilizatsii [Europe facing the challenges of information civilization]. *Evropa pered vyzovami nachala XXI veka [Europe facing the challenges of 21st century]*. Ed. by M. E. Rodionova. Moscow, KnoRus Publ., 2017, pp. 77–84. 2017. (In Russian)
- Nikiporets-Takigava G. Iu. O liderstve v setevykh sotsial'nykh dvizheniiakh [On leadership in network social movements]. *PolitBook*, 2016a, no. 3, pp. 50–65. (In Russian)
- Nikiporets-Takigava G. Iu., Otiutskii G. P. Vyzovy informatsionnogo obshchestva i otvety gumanitarnogo obrazovaniia v XXI veke [The Challenges of the Information Society and the Responses of Humanitarian Education in the 21st Century]. *Iskusstvovedenie v kontekste drugikh nauk v Rossii i za rubezhom: paralleli i vzaimodeistviia: sb. tr. mezhdunar. nauch. konf. [Art Criticism in the Context of Other Sciences in Russia and Abroad: Parallels and Interactions: labours of international scientific conf.]*. Ed. by G. R. Konson. Moscow, Soglasie Publ., 2017, pp. 103–113. (In Russian)
- Nikiporets-Takigawa G. Protests 2.0: Through networked consolidation to participation: why Russian Manezhka cannot become Ukrainian Maidan. *Russian Journal of Communication*, 2014, vol. 6, no. 3, pp. 246–259.
- Nikiporets-Takigawa G. Tweeting the Russian protests. *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*, 2013, vol. 9, pp. 1–25.

Otiutskii G. P. Informatsionnaia antropologija: varianty konstituirovaniia (razmysleniia po povodu issledovaniia K. K. Kolina) [Informational Anthropology: Options of constitution (reflections on the research of K. K. Kolin)]. *Dostizheniia vuzovskoi nauki*, 2014, no. 13, pp. 131–135. (In Russian)

Shichanina Iu. V. Osnovnye tendentsii informatsionnoi antropologii [The main trends of informational anthropology]. *Spektr antropologicheskikh uchenii*. Ed. by P. S. Gurevich. Moscow, IFRAN Publ., 2010, iss. 3, pp. 114–130. (In Russian)

Sloter A.-M. Bol'shaia strategiiia dlia Tsifrovogo veka [Big Strategy for the Digital Age]. *Rossia v global'noi politike*, 2018, no. 1, pp. 19–38. (In Russian)

Smirnov D. Za toboi sledit utiug? Eto pravda, a ne gliuk! [Is an iron spying on you? This is true, not a glitch!]. *Komsomol'skaia pravda*, 2017, March 29. (In Russian)

Sovremennaia politicheskaia nauka: metodologija [Modern political science: methodology]. Eds O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. 2nd ed. Moscow, Aspekt-Press, 2019. 776 p. (In Russian)

Tarasenko V. V. Antropologija Internet: samoorganizatsiia "cheloveka klikaiushchego" [Anthropology of the Internet: self-organization of the "person who clicks"]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2000, no. 5, pp. 111–120. (In Russian)

Voskresenskii A. D. Politologicheskaja shkola MGIMO (U) [Political science school of MGIMO (U)]. *Vestnik MGIMO (Universiteta)*, 2014, no. 5 (38), pp. 87–111. (In Russian)

Received: December 8, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Nikiporets-Takigawa G. Yu. What is a Political Scientist? Existing Trends and Possible Perspectives. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 17–35. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.102> (In Russian)